

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-226-247

УДК 177:316.334:75

Стереотипы межконфессиональных взаимодействий сибиряков

Логунова Лариса Юрьевна,

доктор философских наук, доцент,

профессор кафедры социологических наук

Кемеровского государственного университета,

Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6;

старший научный сотрудник

*Междисциплинарной научной лаборатории социально-гуманитарных проблем
транзитивного общества*

Новосибирского государственного университета экономики и управления,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52

ORCID: 0000-0001-8417-913X

vinsky888@mail.ru

Грицкевич Татьяна Игоревна,

доктор философских наук,

доцент, профессор кафедры философии и общественных наук

Кемеровского государственного университета,

Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

ORCID: 0000-0001-6479-504X

taigrec@yandex.ru

Казаков Евгений Фёдорович,

доктор культурологии, профессор,

профессор кафедры философии и общественных наук

Кемеровского государственного университета,

Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

ORCID: 0000-0002-0902-0513

kemcitykazakov@mail.ru

Аннотация

Термин «стереотип» был удачно обоснован журналистом У. Линпманом и прочно вошел в научный обиход. Исследователями изучены процессы функционирования стереотипов. Это важная часть коллективного сознания, защищающая человека от незнакомой информации. Стереотипы помогают экономить временные и жизненные ресурсы для освоения новой информации. Но негативная сторона стереотипов заключается в создании ментальных шаблонов восприятия реальности. Для группы

легче упростить информацию, чем тратить время на понимание сущности чужой инакости. Информация, которая противоречит стереотипным шаблонам, игнорируется, упрощается, содержательно искажается. «Мы-группа» начинает агрессивно защищать смыслы своих стереотипов от альтернативного мнения. Оппонент может быть подвергнут травле и даже физическому уничтожению.

Структура стереотипов и сценарии стереотипизации рассматриваются нами с позиции структурализма. «Мы-группа» социально дифференцирована. Для статистов и доминирующих членов группы расписаны правила социальной игры. Стереотип может превратиться в инструмент управления гражданами, в оружие против членов «они-группы». Стихийная часть процесса стереотипизации заключается в рутинном бытовании стереотипов, с помощью которых люди объясняют сложные явления жизни. Это рутинная практика изобретения и закрепления языковых клише. Управляемая часть стереотипизации заключается в использовании этих клише в целях получения политических выгод. «Мы-группа» всегда находится в состоянии стереотипической установки – намерения в выборе одного из хотя бы двух сценариев стереотипизации: *сценария толерантного соседства или сценария негативной солидарности*. Первый определяет путь развития толерантного отношения к иноверцам, поиск новых знаний о культуре «чужих», выработку практик нового социокультурного опыта; второй – путь нагнетания межкультурной и межконфессиональной напряженности, приводящей к вооруженным конфликтам.

Причина межконфессиональных конфликтов – в использовании верочений в целях обретения выгоды. На бытовом уровне конфликты возникают из-за культурной некомпетентности, упрощенности знаний о культуре «чужих». В Сибири, несмотря на бытование стереотипов, межконфессиональные отношения мирные. Это подчеркивают герои глубинных интервью, представляющие разные конфессии. Их восприятие соседей-иноверцев основано на понимании личных заслуг, а не на стереотипном понимании. Духовные лидеры подтверждают идею межкультурного сближения сибиряков как членов многоконфессиональной общности. Толерантность – это социальная практика соседства, развивающая духовную сферу жизни общности.

Ключевые слова: философия религии, социология культуры, сибирская общность, стереотипы и автостереотипы, толерантность, соседские межконфессиональные взаимодействия.

Stereotypes of Interconfessional Interactions of Siberians

Larisa Logunova,

*Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor of the Department of Sociological Sciences
Kemerovo State University,
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation;
Senior Research Fellow,
Interdisciplinary Research Laboratory for Social
and Humanitarian Problems of Transitive Society,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
56 Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8417-913X.
vinsky888@mail.ru*

Tatiana Gritskevich,

*Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences,
Kemerovo State University,
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6479-504X
taigree@yandex.ru*

Evgeny Kazakov,

*Dr. Sc. (Cultural Studies), Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences,
Kemerovo State University,
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0902-0513
kemcitykazakov@mail.ru*

Abstract

The successful term “stereotype” was substantiated by the journalist W. Lippman and became firmly established in scientific use. Researchers have studied the processes of stereotypes functioning. This is an important part of the collective consciousness, protecting a person from unfamiliar information. Stereotypes help save time and life resources for processing new information. But the negative side of stereotypes lies in the creation of mental templates for the perception of reality. It is easier for a group to simplify information than to waste time understanding the essence of another’s otherness. Information that contradicts stereotypical patterns is ignored, simplified, and distorted in terms of content. “We-group” begins to aggressively defend the meanings of its stereotypes from an alternative opinion. The opponent can be subjected to harassment and physical destruction.

The structure of stereotypes and scenarios of stereotyping are considered by us from the standpoint of structuralism. “We-group” is socially differentiated.

For extras and dominant members of the group, the rules of the social game are written. The meaning of the stereotype can turn into a tool for managing citizens, into a weapon against members of the “they-group”. The spontaneous part of the process of stereotyping lies in the routine existence of stereotypes, with the help of which people explain the complex phenomena of life. It is a routine practice of inventing and reinforcing language clichés. The manageable part of stereotyping is the use of these clichés for political gain. “We-group” is always in a state of stereotypical attitude. The group can choose a stereotyping scenario – a scenario of tolerant neighborhood or a scenario of negative solidarity. The first determines the path of development of a tolerant attitude towards non-Christians, the search for new knowledge about the culture of “outsiders”, the development of practices of new socio-cultural experience. The second is the way of intensifying intercultural and interfaith tension, leading to armed conflicts.

The reason for interfaith conflicts is the use of creeds for personal gain. At the everyday level, conflicts arise due to cultural incompetence, the simplification of knowledge about the culture of “strangers”. In Siberia, despite the existence of stereotypes, interfaith relations are peaceful. This is emphasized by the heroes of in-depth interviews representing different confessions. Their perception of non-Christian neighbors is based on an understanding of personal merit, and not on a stereotyped understanding. Spiritual leaders confirm the idea of intercultural rapprochement of Siberians as members of a multi-confessional community. Tolerance is a social practice of neighborhood that develops the spiritual sphere of community life.

Keywords: philosophy of religion, sociology of culture, Siberian community, stereotypes and autostereotypes, tolerance, neighborly interfaith interactions.

Библиографическое описание для цитирования:

Логунова Л.Ю., Грицкевич Т.П., Казаков Е.Ф. Стереотипы межконфессиональных взаимодействий сибиряков // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 1. – С. 226–247. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-226-247.

Logunova L., Gritskevich T., Kazakov E. Stereotypes of Interconfessional Interactions of Siberians. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 1, pp. 226–247. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-226-247.

Интродукция

Проблема взаимодействий приобретает новое звучание, когда ее начинают исследовать в контексте стереотипного восприятия иноверцев, живущих по соседству. Сегодня идет пересмотр предмета религиозных дискуссий. Вопрос о взаимоотношениях веры и разума приобретает новый смысл и звучание, переходит в плоскость проблемы взаимоотношений представителей разной веры. Непреходящие ценности, на которых построены все религии мира, универсальны. Религиозные ценности не могут быть основанием для межкультурных конфликтов. Причина религиозных конфликтов международного уровня заключена, как правило, в ис-

пользовании вероучений в целях обретения личной выгоды. В повседневной жизни люди конфликтуют из-за своей культурной некомпетентности, стремления упрощать знания о чужой культуре.

Стереотипы полезны, они защищают сознание общности от информации высокого уровня, к восприятию которой люди не готовы. Такая защита позволяет экономить жизненные и эмоциональные ресурсы, упрощая сложную информацию о жизни других. Для группы легче упростить информацию, чем тратить время на понимание сущности чужой инакости, переживать незнакомые явления чужой жизни. Но проблема заключается в том, что вместе с упрощением возникает риск искажения информации. Так создаются некие обобщенные ментальные шаблоны восприятия событий, явлений социокультурной жизни, а также почва для конфликтов. Общность хочет верить в те вещи, которые понятны. Всё, что противоречит этому пониманию, воспринимается как угроза, от которой нужно защищаться. Эта защита от химер приводит к трагическим последствиям.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить роль стереотипов в соседских взаимодействиях сибиряков.

Методология и методы

Мы изучали проблему бытования религиозных стереотипов на примере межконфессиональных взаимодействий сибиряков. Для исследования роли стереотипов был сформирован методологический комплекс, в который вошли следующие методы и методики: сравнительный анализ, глубинные интервью (10 респондентов), которые проводились в церквях и мечетях Кемеровской области (интервьюеры Л. Логунова и Е. Соколик). Опрошены 6 православных и католических священников и муфтиев (г. Кемерово, г. Ленинск-Кузнецкий, г. Прокопьевск, 2018–2023 гг.) [13]. Результаты применения глубинного интервью показали особенности восприятия прихожанами разных конфессий и их духовными лидерами своих соседей-иноверцев, определили характер влияния стереотипов на выстраивание межконфессиональных отношений сибиряков. Структура стереотипа, который разделяют члены общности («мы-группа») в отношении других («чужих», «они-групп») изучалась методом структурного анализа.

Теоретическая идея о стереотипизации – процессе упрощения массовым сознанием представлений о предметах и явлениях действительности – пришла в науку после публикации книги У. Липпмана «Общественное мнение» (1922). Эта идея сродни концепции «когнитивных карт», которые опосредуют процессы восприятия человеком нового. У. Липпман определил стереотип как «не поддающееся преобразованию явление, которое является результатом опосредованного восприятия события или культуры и не связано с пережитым собственным опытом человека» [6, с. 99].

Термин «стереотип», обыгрывающий инструментарий типографского дела, был удачным теоретическим концептом, прошел процесс популяризации, занял место в научном и обыденном языках. В печатном деле стереотипом называется монолитная дублирующая печатная форма (клише), которая используется для печати многотиражных изданий. Термин был впервые использован Ф. Дидо (1798) для описания печатной формы, которая дублировала любую типографию. В 1850 году слово «стереотип» было употреблено для описания увековеченного изображения, не поддающегося изменениям [12, с. 135–137].

У. Липпман стал социологом случайно. У него был талант увидеть проблему в теоретическом ракурсе. Осмыслив богатый опыт журналиста, он изложил свое представление о том, как устроен мир людей. «Мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться» [6, с. 46]. Этот тезис стал одним из ключей к пониманию мира человеческих взаимодействий.

Массовое сознание упрощает представления о сложной реальности. В результате формируются стереотипы. Это некие фантазийные картинки, не имеющие связи со знанием о реальности, которые человек получил в общении с кем-то другим. Понятие стереотипа используется, если нужно описать доверчивость и инертность массового сознания.

Работа У. Липпмана произвела неоднозначный эффект. Содержащиеся в ней идеи противоречили представлениям людей о самих себе (автостереотипам). Среди интеллигентной публики книга была признана «досадным недоразумением». Но в дальнейшем теория стереотипов стала одним из ключевых инструментов для описания проблем взаимопонимания между людьми. Это исследовательское направление развивалось в теориях массовой культуры. В исследованиях Франкфуртской школы было продолжено осмысление стереотипа как феномена общественного сознания, влияющего на поведение человека. Феномен стереотипа нашел свое место в концепциях «авторитарной личности» (Т. Адорно), «одномерного человека» (Г. Маркузе). Стереотипизация сознания стала объектом исследования специалистов в сфере рекламного бизнеса и СМИ. Мыслители пришли к выводу, что рождение социальной мифологии есть результат манипуляций стереотипами, которыми руководствуется в своих выборах человек. Принципиальную возможность манипуляции сознанием и кошельками аудитории, мыслящей стереотипами, называют «способом упаковки потребления духовной пищи» [2, с. 56]. Социальная проблема заключается в том, что стереотип начинает действовать до того, как включа-

ется разум, блокируя способность к рефлексии, что создает угрозу для взаимопонимания между людьми. Спусковой механизм действия стереотипа заложен в социальной установке.

Стереотипические установки

Социальный стереотип – это окостеневшая когнитивная установка на действие или отказ от него в отношении представителей определенной культурной, этнической, конфессиональной общности. Помимо установки в структуру стереотипа входит следующее:

- упрощенный схематизированный образ социального объекта;
- события, явления общественной жизни (социальные мифы);
- переплетение реального опыта субъектов с домыслами, основанными на слухах, идеологемах, спонтанно возникающих или специально разработанных для поддержания и воспроизводства стереотипов.

У. Лишман пишет о теневой стороне стереотипов, которая похожа на «слепую зону» зрительного нерва. В сознании человека «слепая зона» – это своеобразная когнитивная «дыра», которая не осознается, но домысливается подсознанием. В социальном смысле стереотип выполняет функцию охраны такой «дыры», области невежества, незнания о чем-либо. Эта область наполнена домыслами, родившимися на основе не собственного опыта (его может не быть физически), а искаженного стереотипного представления о чем-либо или о ком-либо, разделяемого социальной группой. Стереотипная картина мира может быть неполной. Но это картина *возможного* мира, к которому «мы-группа» приспособилась.

Узкая рамка полужнания – фрейм общественного сознания стихийно дополняется коллективным воображением. Стереотип укрепляется, когда его действие усиливается управленческими методами. Например, искаженное знание провозглашается «культурным кодом», который, по сути, этим кодом не является. Коллективные представления о псевдокодах культуры дополняют автостереотипы – микс надежды и реализма в представлениях о «мы-группе». Несколько сильных по своей необычности фактов экстраполируются на всё сообщество Других, муха раздувается до размера носорога и становится такой же агрессивной, если ее потревожили. Весь этот когнитивный мусор наполняет коллективное сознание слухами, сплетнями – домыслами, дорисовывающими слепые пятна, серые зоны, черные дыры – обиталища стереотипов. В результате «мы-группа» воюет с собственным мифом представлений об «они-группе» и их культуре.

Стереотипы формируют некий объем информации в коллективном сознании, управляя процессом восприятия нового, неизвестного. Намере-

ния людей в отношении социальной и когнитивной новизны проходят через фильтр стереотипа и упрощаются, вульгаризируются. Так рождается коллективная «картина мира», на которой базируется сознание человека. Социальными выборами и действиями личности управляют устойчивые клише, превращая реальность в ирреальную повседневность. Человек тащит вериги стереотипов по всей своей жизни, как каторжник ядро, прикрепленное цепью к ноге.

Реальность вариативна и многоцветна, а разум человека ленив, чтобы воспринимать ее. Поэтому он старается опосредовать «сложную» социальную реальность системой категорий и типов – кирпичиков, которые плотно укладываются в объем общественного сознания в виде плоскообразных представлений о многоугольной реальности. Этим категориям присваиваются ярлыки, как в библиотеке для быстрого нахождения нужного фолианта. «Субъективные» внутренние миры согласуются и синхронизируются в процессе взаимодействий в устойчивые представления об объективном мире, который эту объективацию в результате теряет. Он становится интересубъективным (Э. Гуссерль), запускается процесс синхронизации интересубъективных смыслов когнитивных картинок. Члены группы обмениваются друг с другом опытом в интерпретациях реальности. В результате такого обмена, по мнению У. Липпмана, когнитивные картинки затвердевают, превращаются в монолиты стереотипов.

Стереотипизация представляет собой процесс, который проходит в несколько этапов: упрощение (вульгаризация) информации, шаблонизация, формирование предрассудков, установка на действие с позиции стереотипных представлений. Но стереотипизация – это также и результативное свойство обыденного сознания, настроенного на вульгаризацию сложной или необычной информации, которая не вписывается в обыденный опыт.

Интересубъективная реальность, о специфике восприятия которой договорились члены группы, предстает им со всей очевидностью и во всей несомненности. Кажимость реальности, дополненная фобиями, домысливанием и прочим информационным шумом, превращается в практики повседневной жизни, в верования и догмы, укрепляется в законах, становится нормативным регулятором поведения. Сама социальная реальность превращается для группы в стереотип – восприятие мира по договоренности. В свою очередь, стереотип становится показателем консенсуса группы. Любое альтернативное мнение группа воспринимает как угрозу своей мнимой солидарности, что порождает фобии нового уровня с новыми смыслами. Устойчивость, сопротивляемость изменениям – характеристики социальных стереотипов. Они проявляются в повседневной жизни в виде защитных реакций, подчас однобоко оценочных и крайне эмоциональных.

Негативная солидарность коллективного сознания

Стереотипическая установка имеет в основании интерсубъективные смыслы о культуре «чужих» (Других, «они-групп»). Данные смыслы разделяются членами «мы-группы», подкрепляются артикулированием языковых клише. Это влияние на сплочение группы вокруг защиты единого смысла определяет сценарий дальнейших действий.

Стереотип формируется коллективным опытом, но рождается не из опыта, а из опосредованного восприятия «чужих». Стереотип становится маркером консенсуса группы по поводу представлений о псевдореальности, в которую члены группы верят. Конформность, надежда на защиту группы поработает ментально слабых. Отказываясь от своего мнения, они готовы верить во всё то, во что им прикажут верить доминирующие члены группы. В результате такого когнитивного поработания группа становится агрессивной: альтернативное мнение воспринимается как угроза этой псевдосолидарности, хотя оппонент отличается лишь тем, что видит *другие факты* того же мира. Г. Оллпорт писал, что «стереотип может расти вопреки всем доказательствам».

Стереотип – это не то, что есть фактически, а то, во что верят люди, смыслы этих фактов. «Марксизм – это не обязательно то, что написал Маркс в “Капитале”, а то, во что верят многочисленные воюющие между собой секты, члены каждой из которых считают себя единственно верными его последователями» [6, с. 116]. Принятая версия событий отстаивается группой. Тот, кто имеет альтернативное мнение, воспринимается как ошибочно мыслящий человек, опасный, подлежащий уничтожению.

Стереотип становится инструментом для обоснования группой своего превосходства, своей уникальности, непогрешимости, правильности, правоты и т. п. Схема обоснования примитивна: группа противопоставляет себя Другим по примитивной формуле: «мы – такие, они – другие, следовательно, мы – лучше».

Человеку трудно описать «своих» и удержаться от эмоций в оценке «свои» / «чужие». Оружие против «чужих» – самоуважение группы, которое держится на принижении их заслуг или особенностей. Далее включается механизм действия атрибуции самооправдания такого мнения. Люди стараются оправдать мнение о «мы-группе» с «хорошими качествами», надевая свою группу положительным имиджем, принижая достоинства «они-группы», рассматривая других сквозь очки стереотипа. Культурная инакость шаблонизируется, шаблоны трансформируются в предрассудки – «устойчивые ложные обобщения в отношении определенных групп» [8, с. 167; 11]. Коллективное сознание формирует стигмы, провоцирует людей на пренебрежительный стиль поведения по отношению к «чужим», которых назна-

чили быть ответственными за кризисы, социокультурные травмы, неудачи общественного развития.

Г. Оллпорт считал, что предрассудки способны повысить самооценку членам общности и обеспечить определенный уровень ощущения безопасности [9, с. 179]. По его мнению, стереотипы – это принижение того, до чего человек не может или не хочет подняться в своем понимании непонятого в другом. Они наполняются набором качеств упрощенного свойства для описания сложных явлений и смыслов. Для этого идет постоянный коллективный поиск таких качеств, с помощью которых группа убеждает себя в своей исключительности. Стереотип становится основой солидарности агрессивного свойства: ее смысл не созидательный (построение коллективного будущего ради благополучия потомков), а разрушительный (защита мифического прошлого для укрепления власти доминантных членов). Действие стереотипов встраивается в процессы идентификации, изменяет и наполняет новым содержанием смыслы самоопределения «мы-групп».

В результате складывается псевдосолидарность, приводящая установку в агрессивные действия против соседей. Эта солидарность хрупкая, неустойчивая. В отличие от позитивной солидарности, она формируется не для построения будущего, обеспечивающего благополучие потомкам. Это негативная солидарность ситуативного свойства, имеющая целью защиту от мифического неблагоприятного влияния соседей из «они-групп», угрожающего «нам». Это солидарность вчерашнего дня: она стягивает энергию, необходимую для поддержки младших поколений, пополняя ресурсы, необходимые для сопротивления мифической агрессии «чужих» в угоду конкретным персонам, имеющим от этого некие дивиденды.

Структура, процессуальность, акторы

Интерсубъективный смысл, воплощенный в конкретных повседневных социокультурных или языковых практиках, приводит в действие процесс стереотипизации. Это двуединый процесс, который состоит из *стихийной стереотипизации* – элемента, включающего механизмы работы коллективного сознания. Это «чистый» объективный процесс ментальной жизни общности. *Управляемая часть стереотипизации* опирается на возможность доминантным членам группы манипулировать стереотипами в целях получения выгоды.

Упрощение, самооправдание – объективные процессы работы сознания. Функции стереотипа – экономия внимания и времени. В долговременной перспективе стереотип становится монохромными очками, через которые человек смотрит на многоцветный мир. Своей однозначностью стереотип классифицирует мир человека на знакомое (оно же хорошее) и незнакомое (скорее, опасное, нехорошее). Очки помогают ориентироваться в этом

мире, преодолевать растерянность перед его многообразием, воспринимать только то, что подтверждает его ожидания от мира. Этому фокусу с «очками группы» люди обучают подрастающее поколение. Так стереотипизация встраивается своими механизмами в процессы социального наследования.

У каждого носителя стереотипа есть своя «правда» и самооправдание. Другие в своей группе думают примерно так же о соседях. Включается социальная дисфункция программирования межгрупповых отношений, порождающая предрассудки и предубеждения, расизм, сексизм. Иногда это отношение подвергается рефлексии: человек осознает, что его знания о других неполны. Это стимулирует его повышать свою социальную компетентность, изучать особенности культуры другого. Так ведет себя бодрствующее сознание рефлексизирующих членов группы.

«Мы-группа» социально дифференцирована по своему составу. Актеры образуют группы *рядовых членов общности* с их обыденными практиками и *доминирующих членов*, применяющих управленческие практики. Управленческий эффект проявляется при использовании стереотипа в качестве инструмента для решения политических задач. В этом состоит стратегия доминирующих членов группы, опирающихся на средства массовой информации, кредитных персон (пропагандисты, деятели культуры, духовные лидеры). Рядовые члены функционируют в этой структуре как статисты, вынужденные практиковать стратегию адаптации. Чем жестче высказывания доминирующих акторов, тем меньше энергии и ресурсов остается у статистов для освоения нового опыта, знаний. Поле опыта сворачивается до привычных практик, изучение культуры других затрудняется как в физическом смысле (ограничение передвижений), так и в духовном (члены «мы-группы» ограничены количеством информации о других, представленной с позиции идеологии, а не адекватного состояния реальности).

Сценарии стереотипных межкультурных взаимодействий

Стихийная и управляемая часть процесса стереотипизации есть гипотетическая установка на выбор как минимум двух сценариев поведения общности. Управление с помощью стереотипов нацелено на краткосрочный эффект. Закрепление в языке упрощенных или ложных представлений о других – стихийный этап стереотипизации. Но при умелом использовании этого свойства коллективного сознания можно провоцировать стигматизацию тех, кто не похож на членов «мы-группы». После этого во взаимодействиях между людьми начинают устойчиво и практически легитимно бытовать выражения-клише. Европейцы при слове «террорист», как правило, представляют себе мусульманина. Среднестатистический россиянин слово «толерантность» ассоциирует с человеком нетрадиционной ориентации. В смыслы событий члены «мы-группы» вдаваться не пытаются, принимая

на веру всё, что им навяжут политики и пропагандисты, оперирующие стереотипами. «Спящее» общественное сознание соглашается со всеми нелепостями. Группа в своих суждениях и решениях опирается на догматы идеологом, оперирует мифами, которые маскируются под знания.

Стереотипы – это инструмент управления в целях поддержания собственного самоуважения, особенно если гордиться группе особенно нечем. Все исторические заслуги – в прошлом; группе сегодня остается лишь испытывать гордость за стереотипизированное, тщательно вылизанное, отшлифованное идеологами прошлое. Это бастион нашей ментальной безопасности. А если есть бастион, значит, идут военные действия, значит, есть что защищать от нападения реальных или мифических врагов, которыми оказываются непонятные другие. Такая стереотипическая установка приводит к *сценарию негативной солидарности* – сценарию, по которому развиваются конфликты, развязываются войны, бытует межкультурная и межконфессиональная неприязнь. Крайняя форма сценария негативной солидарности – изоляционизм. Это означает, что для рядовых членов «мы-группы» закрываются возможности расширения межкультурного и межконфессионального кругозора.

Формируется плоскость когнитивного правдоподобия, в которой истина и ошибка, факт и выдумка, сообщение о реальных событиях и фантазии сваливаются коллективным сознанием в одну кучу. Стереотип, миф, истина становятся практически неразделимы и непроверяемы. Догматик, опирающийся на миф, считает, что он приобщился к высшей истине. Но миф не обязательно ложен. Если миф долгое время оказывал влияние на поведение людей и помогал ориентироваться в жизни, то он социально полезен. Однако когнитивное привыкание к мифу лишает группу возможности критического отношения к информации, заложенной в нем. И даже истины, на которых построен миф, могут быть подвергнуты сомнениям. Как правило, сомневающимся грозит аутодафе. Истина может оказаться социально дифференцированной правдой: один слышит в торжественных парадах пафос и гром победы, другой – рыдания от горечи потерь и страданий.

Автостереотипы и проблема различения

Слепая зона стереотипа – это ментальная слепота людей в самопонимании. Свои национальные и культурные особенности они воспринимают бессознательно. В обыденном сознании специфика собственных культурных норм поведения не требует рефлексии, доказательств или обсуждения. «Иностранцам понятны вещи, которые не поймут коренные жители. С другой стороны, иностранцы, будучи “чужаками”, не могут войти “внутрь”, как это делают туземцы, и потому всегда чувствуют некий осадок растерянности» [10, с. 11]. Воистину, последней заметит воду рыба.

Поэтому русского трудно понять французам, несмотря на ценностную комплиментарность культуры, а французам не поймет немцам. Но и русским, и французам, и немцам *себя* понять трудно, подчас невозможно.

В процессе своего функционирования коллективное сознание вырабатывает репертуар автостереотипов. Межконфессиональные автостереотипы – элемент такой репертуарной системы. Например, в суждении «православие – самая правильная религия» корень слова созвучен названию религии. Для защиты тезиса «Наше понимание, как прославлять Бога, самое правильное» используется прием различения («Если мы правильные, то они – неправильные»). В исламе этот смысл звучит в различении «верные» / «неверные»: мусульмане – верно верящие в Бога, неверные – все немусульмане. «Неправильные», скорее всего, не согласятся с эпитетом, которым «мы» определили «их». Поэтому члены «мы-группы» испытывают потребность защищаться от «врага», который на «нас» даже не напал. Защита выстраивается в стратегии мифологических смыслов типа «нашу веру православную атакуют». И под эту гипотетическую атаку начинают подводить любое событие – фактически свершившееся или еще не произошедшее. «Мы-группа» идет в атаку, защищая «поруганные святыни», сочиняет неоднозначные законы, организует судебные процессы, аутодафе. Так развиваются события агрессивного сценария, выбор которого могут подстегнуть доминирующие члены группы.

Коллективное сознание группы начинает расширять зону мифов за счет принижения других, атаки на их образ или стиль жизни. Экономный стереотип перерастает в социальное и финансовое расточительство. Эта энергия могла бы принести больше пользы, если была бы направлена в мирное русло. Но стереотип, усиленный управленческими стратегиями, агрессивен, не допускает мира и согласия, иначе он теряет свой смысл автостереотипизации, необходимой для поддержки идентичности и ее защиты.

Далее сценарий развивается по траектории, заданной управляемой стереотипизацией. Резонанс сознаний включает механизм самореализующихся пророчеств (Р.К. Мертон): если группа начинает агрессивно защищаться от гипотетических врагов, то реальный враг и повод для войны найдется. Атрибуция самооправдания поможет «мы-группе» найти ценностное объяснение для недостойных действий. Альтернативный аргумент воспринимается группой как атака на мироздание. Стереотип имеет свойство сопротивления любой критике. Под влиянием стереотипов корректируются фактические или эмпирические данные: подправляются рейтинги, закрываются или уничтожаются архивные документы.

Наблюдатель с ограниченным или травмированным опытом вычленяет из многообразия мира знаки, которые он может распознать. Каждый ви-

дит то, что помнит, то, что его интересует. Невежество – оправдание отказа от поиска знаний. Знание входит в противоречие с упорядоченными представлениями человека о мире, порождает когнитивный дискомфорт. Рамки стереотипного видения мира мешают человеку слушать аргументы, противоречащие «когнитивным картам»; склоняют поддерживать только факты, подтверждающие смыслы стереотипов. Если у человека нет опыта и знаний о вариативности мира, ему трудно увидеть мир. Находясь в «скорлупе грецкого ореха» стереотипа, он должен решить «проблему наблюдателя»: *кто* он есть и *что* именно он наблюдает? Элемент системы затрудняется различить и отличить себя в этой системе [13]. И тогда становится особенно востребованным опыт и бодрствующее рефлекслирующее сознание, которое воспринимает столкновение привычного с новым как «когнитивный диссонанс», описывается как проблема «кризиса опыта» [1, с. 19–20].

Альтернатива стереотипу – знание и социокультурный опыт

Опыт, полученный личностью в результате освоения новых знаний, знакомства с неизвестными ранее социальными практиками, фактами культуры «чужих», новыми знакомствами с ними в формате народной дипломатии, – лучшая прививка от заразного влияния стереотипов. Новый опыт, включающий новые знания о мире, противоречит стереотипам, стимулирует познавательное любопытство, возвращает гибкость ума и сознания, упорядочивает знание о реальности.

Новое знание доставляет дискомфорт сознанию, усыпленному стереотипами. Знания рожают противоречия между упорядоченными представлениями человека о мире и реальности этого мира. Стереотипы комфортны, помогают защититься от этой боли, создают иллюзию ментальной анестезии. Опыт, укорененный в традициях, основанный на преемственности, на ценностях культуры, помогает в процессах самоидентификации, но становится препятствием для определения и понимания новых знаний о том, *что* находится за пределами «скорлупы» – горизонта знаний наблюдателя. Приобретение новых знаний и нового опыта, соотнесение его с ценностями системы культуры – времяемкий процесс. В эпоху быстрых социальных изменений у человека нет на это времени, его внимание постоянно занято проблемой адаптации к переменам. Опыт обедняется и вытесняется количеством переживаний, исторический и культурно-смысловой нарративы заменяются информацией [5, с. 315].

Но опыт помогает отыскивать в новом знакомое, похожее на уже используемые знания о мире с помощью способности селективировать, отсеивать потенциально вредоносные новшества, закреплять социально полезные элементы нового в традиционных социальных практиках. Поэтому люди, ориентированные на ценности добра, мира и любви, ищут и видят

в мире проявления добра. Агрессивные субъекты в этом же мире видят зло и опасность. В разнообразии фактов и аргументов, стилей жизни, опосредующих эти аргументы, состоит социальная реальность. Понимание такого разнообразия есть свидетельство бодрствующего сознания личности. Эти «видения» опосредуют реальность последствиями действий. Так, «по их делам» человек различает стереотипные представления о реальности, которую они исказили. Реальность – это то, что рефлексивует человек с бодрствующим сознанием, в котором стереотипы гармонируют с реальным опытом.

Выбор *сценария толерантного соседства* также возможен с опорой на управленческие практики. В него входят методы управления, способствующие развитию межкультурных связей, поощряющие процессы диалога культур. Но, как правило, этот сценарий членам «мы-группы» подсказывает сама жизнь, обусловленная процессом стихийной стереотипизации.

Роль стереотипов в сценарии толерантного соседства

Толерантность требует от человека культурной компетентности по отношению к представителям «они-групп», активизирует общественное сознание, олицетворяет переход от стереотипов к знанию. Толерантность есть характеристика взаимодействия с соседями.

Соседство – это особый тип отношений органической солидарности, возникающий между людьми в повседневной жизни. К ценностям, на которых выстраиваются нормы соседских отношений, относятся доверие, взаимопомощь, солидарность в решении жизненно значимых задач. Это и есть истинная «духовная скрепа» жизни сибиряков.

Сибирь – это не только географически очерченная территория. Это поликультурное пространство, в котором представители разных культур научились договариваться с соседями, сочетая культурный опыт переселенцев и старожилов, превращая его в коллективный опыт выживания сибирской общности. Это территория многоцветной культуры, сложенная из культурного опыта вольных и невольных переселенцев из разных частей страны. В Сибири бытование стереотипов смягчено особенностями ментальности членов общности. «Мы-группа» сибиряков сложилась не по конфессиональному основанию. В фундаменте ее формирования – единая историческая судьба. Сама жизнь, обусловленная особенностями климата, географической удаленностью, опытом исторической судьбы, учит соседскому общению представителей разных культурных, этнических, конфессиональных групп.

Несмотря на долгое толерантное соседство представителей разных конфессий в Сибири, в повседневной жизни люди оперируют стереотипами, которые в большей степени относятся к правилам и нормам религи-

озной жизни. Опыт соседских отношений христиан и мусульман в Сибири определяет специфику бытования межконфессиональных стереотипов. Ислам – быстро растущая религиозная конфессия в Сибири. По количеству верующих среди населения регионов Сибири ислам занимает второе место после христианства [3]. В результате проведения интервью с сибиряками, живущими по соседству и представляющими разные конфессии, выявлено несколько стереотипов в отношении друг друга.

Опрошенные мусульмане считают христиан «идолопоклонниками» («Они поклоняются иконам и мощам. Это чистой воды идолопоклонство»¹), «искажившими текст Библии», «проявляющими слабость», «пребывающими в нравственном упадке». В самом деле, Библия переписывалась неоднократно, что дало повод мусульманам, при всем уважении к «людям писания», считать, что священные тексты искажены. У мусульман мужчин есть претензии к женщинам-христианкам, которых они считают феминистками, разделяя общий стереотип о феминизме. Они не одобряют финансовую самостоятельность женщин, уверены, что христианки неуважительно относятся к своим мужьям. Одежда современных европейских женщин кажется мусульманским мужчинам нескромной, провоцирующей. Модернизацию европейского образа жизни они понимают как падение морали: «Коран говорит, что они заблудшие». В целом, по мнению представителей ислама, «христиане не любят мусульман».

Порнография, гомосексуализм, аборт, пьянство отдельных людей в сознании мусульман экстраполируются на всех представителей христианской религии. Себя они считают носителями нравственности и благочестия, допуская, что существуют частные практики адюльтера и мужеложства. Но факты свидетельствуют об обратном. В истории известен спор чиновников мусульманского мира о том, можно ли приравнять к разврату гомосексуальную связь со своим рабом? Афганские мужчины в IX–X веках «прославились» практиками мужеложства. В любовных песнях ал-Мусаба, ас-Сулами звучит тоска и по девушкам, и по юношам. Исследователь культуры ислама А. Мец замечает, что известный своими воинскими подвигами Сайф ад-Даула имел в Алеппо мальчика, носившего девичье имя Самил, который был его возлюбленным. Разыгрывались целые трагедии из-за несчастной любви мужчин друг к другу с бегством в монастырь и умопомешательством. В кабаках мусульманских стран к вину предлагались услуги девушек и мальчиков за 2 дирхема за ночь. Институты проституции и кастратов были юридически регламентированы и выполняли свои функции в повседневной жизни мусульман разного социального статуса [7, с. 286–291]. Современная практика духовного исцеления – «излечение

¹ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из интервью наших респондентов.

Кораном» используется целителями в Марокко и Судане как предлог для сексуальных домогательств [9].

В отношении к религиозным догматам у мусульман есть несогласие в связи с искупительной жертвой Иисуса. Респонденты объясняли, что христиане проявили слабость, потому что допустили унижение Бога – смерть на кресте. Им трудно понять смысл жертвенности любви, которую явил миру Иисус. Не вдаваясь в смысл этической максимы всепрощения, они считают малодушием готовность подставить вторую щеку обидчику. Их религия пассионарна и внушает энергичное поведение даже в сфере духовной жизни. Социокод их культуры диктует движение центристское, наступательное. Христианское спокойствие всепрощающего сердца – социокод, призывающий идти вглубь духовной природы мира. В таких резновекторных смыслах фундамента развития двух культур понимание затруднено с обеих сторон.

Последователи ислама чувствуют настороженность иноверцев по отношению к ним. У них есть для этого основания. Обыденное сознание христиан содержит множество заблуждений о мусульманах. Стереотип о мусульманах-террористах с черными бородами, автоматами в руках, пожалуй, самый популярный. Женщины в платке сегодня настораживают представителей других религий после участия женщин-шахидов в террористических акциях.

Однако большинство стереотипов о мусульманах сформировалось не на основе травматического опыта, но из-за невежества относительно особенностей ислама. Например, имя Аллаха многие христиане понимают как имя мусульманского Бога. Иудеи и христиане, говорящие на арабском языке, также обращаются к Богу: «Аллах». Собственно, «Бог» и есть значение этого слова. Мусульмане верят в Того же Бога, Которому поклонялись Моисей, Ной, Иисус.

Христиане в интервью вспоминали о джихаде – святой войне, в которой обязаны участвовать мусульмане, об угнетенном положении женщин, о нетерпимости к иноверцам. Однако смысл джихада давно изменился. Сегодня это борьба не против «неверных», но во имя Бога, добра. Это борьба, требующая усилий в преодолении своих страстей. Респонденты-мусульмане оправдывались, что Коран призывает к уважению к «людям Писания» – христианам и иудеям: *«Коран велит убивать неверных. Но эти слова вырваны из контекста»; «Коран нам предписывает относиться терпимо ко всем религиям».*

Христианка заявила в интервью: *«Мусульманство лишает женщину свободу».* Это мнение иллюстрирует один полюс ситуации – полный запрет на общественную и образовательную деятельность женщин в Афганистане. Но на другом полюсе протесты в Иране (2022–2023) в защиту прав женщин, спровоцированные произволом патрулей «полиции нравов». Образ

восточной женщины-служанки противоречит социальной активности современных мусульманок, которые создают объединения для защиты своих прав, получают образование, добиваются отмены запрета на управление автомобилем. Исторические документы свидетельствуют, что в 912 году женщины претендовали на высокие должности, занимались богословием, проповедовали, читали лекции. Стереотип о женщине рожден в сознании представителей иной культуры, где женщина несет обязанность в обеспечении семьи наравне с мужчиной. Работа для мусульманок – не обязанность, а добровольный выбор помогать мужчине в содержании семьи.

Коренные сибиряки судят о человеке в меньшей степени по его религиозной принадлежности. Христиане считают сибирских мусульман «своими». *«Сюда всех ссылали. Нам приходилось как-то общаться. Мусульмане и христиане в Сибири всегда жили мирно».*

Представители духовенства разделяют мнение о том, что в Сибири своя ментальность, свои нравы. Это оформило особенность межконфессиональных взаимодействий между соседями. Муфтий Кемеровской области считает, что в Сибири «люди добрые», этим и отличаются отношения соседей. *«У нас особых межнациональных межрелигиозных конфликтов нет»* – этот тезис подтверждают православные и католические духовные лидеры Сибири. По их мнению, конфликт между религиями, представленный в СМИ, – это лишь прикрытие каких-либо политических, экономических интересов. Это обман, на который идут заинтересованные в своей выгоде люди. По словам муфтия, *«всё упирается в политику. Но за всеми политическими интересами скрываются экономические».* Эту мысль подтверждает имам мечети в г. Кемерово: *«Виною всему политические интересы, когда люди ищут свою выгоду, маскируя всё религией. Между истинно верующими людьми конфликта никогда не будет. Если мы и конфликтуем, то на бытовой, а не на религиозной почве».* Ему вторит заместитель муфтия по работе с молодежью в г. Кемерово: *«Конфликты только кажутся религиозными. На самом деле, они имеют экономические корни. Деньги, ресурсы, рынок – вот корень проблем».* Священник Знаменского собора (г. Кемерово) высказал похожее мнение: *«Конфликты на почве экономики и политики всегда прикрывались религией»* [4, с. 202–208].

Различия не есть препятствие для сближения. В различиях можно увидеть красоту друг друга. *«Мы – разные. То, что нас различает, становится возможностью для познания красоты в разнообразии. И эта различность не есть преграда, а лишь возможность для развития»* (о. Павел, г. Юрга).

Причины разногласий представители духовенства видят в «невежестве», «нежелании изучать и уважать культуру соседа», «некомпетентности». Образование – важный фактор для выстраивания межконфессиональных отношений. *«Если человек образован, для него не составит труда принять точку зрения человека другой веры, согласиться либо обоснованно дать ответ»* (о. Георгий,

г. Кемерово). *«Источник разногласий – отсутствие базовых знаний о своей и чужой духовной культуре»* (заместитель муфтия по работе с молодежью, г. Кемерово). *«Стереотипы рождаются от незнания, игнорирования смыслов Другого, от отказа познать истину. Неприязнь – это недостаток знаний и культуры. Она основана на одобренных начальством схемах в вопросах веры. Человек ленится искать трудные пути»* (о. Павел, г. Юрга).

Духовные лидеры объясняли бытование стереотипов страхом необразованных людей «перед неизведанным». Муфтий Кемеровской области считает, что если христиане по телевизору слышат и видят взрывы, девушек в платке, которые себя в очередной раз подрывают, то это рождает у них опасения. *«Как они должны реагировать? У них другого знания нет, другого опыта взаимодействия с женщинами в платке нет»*. Призыв духовных лидеров сводился к изучению религии и культуры соседа, что помогает избавляться от невежества. *«Для преодоления противоречий необходимы знания»* (муфтий Кемеровской области).

Представители ислама и христианства изъявляли готовность к сотрудничеству, к совместному решению общечеловеческих проблем, не обращая внимания на идеологические разногласия двух религий. Искоренение безнравственности, бескультурья может стать общим делом мусульман и христиан, считает муфтий: *«Надо помогать людям, независимо от идеологических разногласий. Сегодня мы стараемся дружить, общаться, объединяться на общих началах»*. Стереотип не может исчезнуть из обыденного сознания. Это требует напряженной работы. Священники поясняли, что надо вести своих прихожан навстречу соседу, исповедующему другую религию. *«Для преодоления стереотипов нужно время, опыт»* (муфтий Кемеровской области).

Вопросы религиозности основаны на едином понимании, что *«вера – это встреча с Богом как личностью. Без такого понимания вера превращается в пустой театр, в кандал»* (о. Павел, г. Юрга).

Католический священник поделился опытом такой работы в г. Юрга: *«Вместе с имамами, протестантскими и православными священниками мы договорились ходить друг к другу в гости. II прихожан приводить на службы к соседям. Мы определили задачу познакомиться с духовным пространством соседа, местом его культа, познакомить нашу паству с различиями и разнообразными религиозными смыслами из первоисточника. Это рассеивает стереотипы. После таких походов в гости прихожане поняли главное: у нас много общего»* (о. Павел, г. Юрга). Мусульманские имамы пригласили на весенний праздник в г. Ленинск-Кузнецкий (Кемеровская обл.) в гости горожан всех религий. Представитель мусульманской общины объяснил: *«Наш имам учит нас, что надо дружить, быть всем вместе и мусульманам, и православным. Мы ведь на одной земле столетиями живем»*.

Между представителями духовенства регулярно проходят встречи, конференции, на которых решаются общие духовно-нравственные вопросы,

проводятся совместные лекции с молодежью, организуются совместные практики помощи людям, попавшим в трудные жизненные ситуации. *«Воспитанники мусульманских общин посещают наш храм, узнают нашу культуру, наши ценности. Также мы наносим им ответный визит. Мы дружим, стараемся интегрировать наших прихожан, расширять их кругозор, уровень знаний»* (о. Георгий, г. Кемерово). В Кемеровской области проводятся дни открытых дверей и экскурсии в мечети и церкви для обмена культурным опытом обеих религий. Одна из задач священнослужителей – не допускать межрелигиозных распрей, противоречий, уметь их грамотно и быстро предотвратить. *«Чтобы сгладить конфликты, нужно знать те ценности, которыми живут мусульмане и христиане. Нужно совместное общение, совместные мероприятия»* (о. Сергей, г. Кемерово).

Заключение

Итак, стереотип – это устойчивое эмоционально окрашенное, обобщенное представление об инокультурной социальной группе, как правило, связанное с поверхностным знанием о чужой культуре. Стихийная стереотипизация – это объективный процесс жизни обыденного сознания. К управляемой части процесса стереотипизации относится педалирование предрассудков политическими и медийными персонами с опорой на инертность обыденного сознания, человеческое невежество, нежелание изучать и знать особенности культуры другого. С помощью стереотипов осуществляется управление гражданами, не способными к социальной рефлексии. Негативными последствиями стереотипизации являются оправдание невежества, размножающее предрассудки, нежелание переосмыслить свои представления о группах других, запрет представителям «они-групп» работать и преуспевать в разных сферах социокультурной жизни. Стереотипы рационализируют разнообразие мира, закрепляют в обыденном сознании упрощенную когнитивную картину мира. Бытование стереотипов мешает взаимодействию, затрудняет коммуникацию.

Оперирование стереотипами – это отказ человека от познания другого. В духовном смысле отказ от стереотипного восприятия соседа – это испытание совести. В этом заключается ценностная функция добродетели, называемой толерантностью. Это ценность, проявляющая себя в поведении социально и культурно компетентного человека, готового к проявлению терпимости во имя взаимопонимания между соседями. Терпимость к чужому мировоззрению, обычаям, особенностям культурных практик, стилю жизни есть признак уверенности в себе, осознания своего достоинства и уважения к достоинству другого.

Толерантность – инструмент для преодоления стереотипов разного характера. В Сибири сложились условия для толерантного отношения меж-

ду соседями, представляющими разные религиозные конфессии. Результаты интервью с духовными лидерами религий подтвердили, что в Сибири конфликта религий не существует. Коренные сибиряки традиционно отличаются религиозной и этнической толерантностью. Представители разных вероисповеданий, долгое время живущих по соседству, научились помогать друг другу в бытовых вопросах. Преодолевая культурные противоречия, они выработали этические правила толерантного поведения.

Стереотипы не отменить. Но можно адаптировать их влияние, приручить их.

Литература

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / пер. с англ. С.А. Ромащенко. – М.: Меднум, 1996. – 240 с.
2. *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ / пер. с англ. В.В. Кулебы, Я.А. Лебедевка. – М. [и др.]: Вильяме, 2004. – 432 с.
3. *Копцева Н.П., Байрамов Т.Р.* К вопросу о специфике сибирского ислама // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – Ст. 17–37.
4. *Логунова Л.Ю.* Культура счастья: социологические этюды / отв. ред. О.А. Донских. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – 246 с.
5. *Логунова Л.Ю.* Реформирование и реформаторство в системе культуры и системах общества // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 2. – С. 312–324.
6. *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 375 с.
7. *Меу А.* Мусульманский ренессанс / пер. с нем. Д. Е. Бертельса; под ред. В.И. Беляева. – М.: Наука, 1973. – 473 с.
8. *Оллпорт Г.В.* Личность в психологии. – М.: КСП+; СПб: Ювента, 1998. – 345 с.
9. *Разек Х.* «Излечение Кораном». Как пациентки «духовных целителей» подвергаются сексуальному насилию. Расследование Би-би-си. – URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cn06nxd62270> (дата обращения: 09.08.2023).
10. *Смелзер Н.Д.* О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 3–12.
11. *Allport G.W.* The Nature of Prejudice. – Boston: Addison-Wesley Pub. Co., 1954. – 350 p.
12. *Kleg M.* Hate Prejudice and Racism. – Albany: State University of New York Press, 1993. – 317 p.
13. *Логунова Л.Ю.* Ценности соседства и толерантности в христианской и мусульманской культурах // Scientific Discussion. – 2018. – Vol. 1, N 18. – P. 54–57.
14. *Luhmann N.* Social systems. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 627 p.

References

1. Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti: izbrannye esse* [The work of art in the age of its technological reproducibility, and other writings on media]. Moscow, Medium Publ., 1996. 240 p. (In Russian).
2. Bryant J., Thompson S. *Fundamentals of Media Effects*. Boston [etc.], McGraw-Hill, 2002 (Russ. ed.: Braiant D., Tompson S. *Osnovy vozdeistviya SMI*. Moscow, William Publ., 2004. 432 p.).
3. Koptseva N.P., Bayramov T.R. К вопросу о спetsифике сибирского ислама [The problem of specific Siberian Islam]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 1-1, art. 1737. (In Russian).
4. Logunova L.Yu. *Kul'tura schast'ya: sotsiologicheskie etyudy* [Culture of happiness: sociological studies]. Novosibirsk, NSUEM Publ., 2022. 246 p.
5. Logunova L.Yu. *Reformirovaniye i reformatorstvo v sisteme kul'tury i sistemakh obshchestva* [Reforming and reformation in the system of culture and systems of society]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 2, pp. 291–312.
6. Lippman W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation Publ., 2004. 375 p. (In Russian).
7. Mez A. *Musul'manskii renessans* [The renaissance of Islam]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 473 p. (In Russian).
8. Allport G.W. *Lichnost' v psikhologii* [The person in psychology]. Moscow, KSP+ Publ., St. Petersburg, Yuventa Publ., 1998. 345 p. (In Russian).
9. Razek H. «Izlechenie Koranom». *Kak patsientki «dukhovnykh tselitelei» podvergayutsya seksual'nomu nasiliyu. Rassledovanie Bi-bi-si* [BBC investigation: 'Spiritual healers' who sexually abuse women]. (In Russian). Available at: <https://www.bbc.com/russian/articles/cn06nxd6227o> (accessed 09.08.2023).
10. Smelser N.J. О komparativnom analize, mezhdistsiplinarnosti i internatsionalizatsii v sotsiologii [On comparative analysis, interdisciplinarity and internationalization in sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*, 2004, no. 11, pp. 3–12. (In Russian).
11. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Boston, Addison-Wesley Pub. Co., 1954. 350 p.
12. Kleg M. *Hate Prejudice and Racism*. Albany, State University of New York Press, 1993. 317 p.
13. Logunova L.Yu., Sokolik E.V. Values of neighborhood and tolerance in Christian and muslim cultures. *Scientific Discussion*, 2018, vol. 1, no. 18, pp. 54–57. (In Russian).
14. Luhmann N. *Social systems*. Stanford, Stanford University Press, 1995. 627 p.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023.

Статья прошла рецензирование 30.09.2023.

The article was received on 16.08.2023.

The article was reviewed on 30.09.2023.